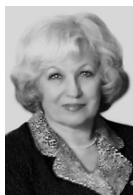

Сталинская коллективизация: дальневосточное крестьянство в первой половине 30-х гг. XX в.

Людмила Ивановна Проскурина,
кандидат исторических наук, старший науч-
ный сотрудник Института истории, археоло-
гии и этнографии народов Дальнего Восто-
ка ДВО РАН, Владивосток.

В статье анализируется финальный этап коллективизации крестьянства Дальнего Востока СССР (1933—1937). Акцентируется внимание на насильственном характере проведения коллективизации. Автор обосновывает вывод о том, что раскулачивание, репрессии в дальневосточной деревне привели к пагубным социально-экономическим и демографическим последствиям. Произошло падение сельскохозяйственного производства, хозяйства наиболее сильных, предприимчивых крестьян оказались разорёнными. Крестьянство как класс самостоятельных производителей было ликвидировано, и весь уклад деревенской жизни разрушен.

Ключевые слова: Дальний Восток, коллективизация крестьянства, насильственные методы, репрессии, раскулачивание, негативные последствия, разрушение уклада деревенской жизни.

Stalinist Collectivization: The Far Eastern Peasantry in the First Half of the 1930s.
Lyudmila Proskurina, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

The paper analyzes the final stage of collectivization of the peasantry of the Soviet Far East (1933—1937). Special attention is paid to the violent nature of collectivization. The author concludes that dispossession, repressions in the Far Eastern villages led to harmful socio-economic and demographic consequences. There was a drop in agricultural production, the farms of the most powerful, enterprising peasants were ruined. The peasantry as a class of independent producers was abolished and the whole village lifestyle was destroyed.

Keywords: Far East, collectivization of the peasantry, violent methods, repressions, dispossession, negative consequences, destruction of the village lifestyle.

В конце 20-х гг. XX в. противоречия между крестьянством и государством порождались классово ориентированной аграрной политикой советской власти. Стремясь укрепить социальную опору в деревне, государство поддерживало экономически немощные бедняцко-средняцкие

хозяйства и сдерживало развитие крупных. В стране разразился хлебозаготовительный кризис, который создал угрозу планам промышленного строительства, крайне осложнил экономическое положение. Кризис хлебозаготовок стал тем катализатором, который ускорил и обострил социальные и политические процессы в стране и послужил поводом для смены курса политического руководства.

В советской историографии утвердился вывод о том, что к концу 20-х гг. XX в. крестьянское хозяйство полностью себя исчерпало. Анализ общей направленности и темпов развития сельского хозяйства в период нэпа показывает полную несостоятельность этого положения. Возможности поступательного развития крестьянской экономики на базе нэпа были далеко не исчерпаны, а возникшие негативные тенденции, особенно хлебозаготовительный кризис в 1928—1929 гг., были связаны с политикой наступления властей прежде всего на зажиточную часть крестьян, самых хозяйственных и предприимчивых.

Сталин предложил путём «революции сверху» обеспечить в деревне к концу пятилетки переход к колхозам, а все другие возможности выхода из кризиса — «бухаринская», «чаяновская», «первого пятилетнего плана» — были отброшены. Перевод сельского хозяйства на путь крупного обобществлённого производства стал рассматриваться как единственное средство решения хлебной проблемы в возможно короткие сроки. Выбор состоялся, и начался новый виток насилия над крестьянством, ещё более жестокого и пагубного.

Летом 1929 г. сталинское руководство страны приступило к проведению «сплошной коллективизации» крестьянских хозяйств, главной задачей которой были ликвидация мелкотоварного крестьянского хозяйства и создание обобществлённого сельскохозяйственного производства.

Сплошная коллективизация на российском Дальнем Востоке началась несколько позже, чем в центральных районах страны. В январе 1930 г. 26 районов были объявлены районами сплошной коллективизации. По указанию центральных партийно-государственных органов местные власти были обязаны форсировать её любой ценой — несмотря на то, что Дальний Восток относился к третьей группе незерновых районов, и срок завершения коллективизации отодвигался до весны 1933 г. И власти старались изо всех сил, не стесняясь в средствах. За нежелание вступать в колхоз крестьянам угрожали раскулачиванием, лишением избирательных прав, выселением, отказом в выдаче дефицитных товаров и т.д. Близость границы усиливала тревогу местных властей. Кроме того, приграничные районы Дальневосточного края были заселены в основном зажиточными крестьянами и бывшими казаками, которые особенно активно выступали против сплошной коллективизации.

Насилие и произвол приняли повсеместный характер. В период хлебозаготовительной кампании 1929/30 гг. у части крестьян были отняты последние припасы. С ноября 1929 г. по конец января 1930 г. через окружные суды прошло 2 111 дел, из них — по Владивостокскому округу — 627,

Амурскому — 673, Сретенскому — 412, Читинскому — 378 и Хабаровскому округу — 21, из которых по статье 61 УК было рассмотрено 1 344 дела, осуждены 2 448 крестьян, в том числе 2 394 кулаков и зажиточных¹.

Под давлением властей значительная часть дальневосточного крестьянства вынуждена была вступить в колхозы. Темпы коллективизации приняли непомерно форсированный характер: с января по апрель 1930 г. уровень её возрос с 8,8 до 45%. В отдельных округах этот рост был ещё стремительнее: в Сретенском — с 9,2 до 71,3%, в Читинском — с 5,6 до 54,8%, в Амурском — с 8,5 до 46%².

Отрицательно сказались на колхозном движении создание в крае колхозов-гигантов, переход к коммуне, минуя сельхозартель. Так, в Шкотовском районе был провозглашён призыв «Девять долин — девять коммун». На 30 марта 1930 г. в районе не было ни одного ТОЗа (только одна артель), но зато имелось десять коммун, которые оказались экономически слабыми и вскоре распались. С октября 1929 г. по апрель 1930 г. число коммун в крае возросло в 3,5 раза. К середине 1930 г. они составляли 30% всех объединений. По некоторым округам процент коммун был значительно выше: по Читинскому — 61,4%, по Сретенскому — 65,3%. К апрелю 1930 г. в Дальневосточном крае было создано 108 крупных колхозов-гигантов, которые объединяли 32 350 крестьянских хозяйств³.

При вступлении в колхоз принудительно обобществляли принадлежавший членам артели мелкий скот, птицу, коров. Кулаки, уничтожая и продавая скот, стремились превратиться в середняков. С 1928 г. по 1932 г. в колхозно-крестьянском секторе Дальневосточного края количество крупного рогатого скота сократилось на 53,3%, овец и коз — на 77,2%, свиней — на 66,1%⁴. Крестьяне успели уничтожить огромную часть производительных сил. Размеры материального ущерба на Дальнем Востоке были значительно больше, чем в других районах страны.

Большую роль в проведении коллективизации в Дальневосточном крае играло создание красноармейских колхозов. Поскольку значительная часть дальневосточного крестьянства сопротивлялась коллективизации, центральные власти, чтобы ускорить этот процесс в крае, с конца 1929 г. приступили к переселению сюда демобилизованных красноармейцев и их семей. Сельское население враждебно относилось к красноармейцам, приезжих запугивали голодом, плохими климатическими условиями. Создававшиеся красноармейские колхозы являлись опорой местных партийно-советских органов в проведении насильственной коллективизации и раскулачивании. К весне 1930 г. в крае было создано 11 красноармейских коммун, отличавшихся гигантскими размерами, но к концу года они были разукрупнены. Большинство из них располагалось во Владивостокском округе — 6 коммун, в Хабаровском — 2, в Амурском — 3 коммуны. В последующие годы власти продолжали укреплять красноармейские колхозы, и в 1932 г. на Дальнем Востоке было уже 42 колхоза, включавших в себя 28 251 хозяйство, в том числе 6 106 хозяйств демобилизованных воинов⁵.

Начавшаяся массовая коллективизация создала напряжённую обстановку в деревне. Наиболее зажиточные крестьяне оказывали яростное сопротивление властям. Методы сопротивления были самые разнообразные: от агитации и до убийства коммунистов, колхозных активистов, от их избиения до поджогов имущества. Попытки припрятать зерно с риском сгноить хлеб были отмечены почти во всех округах. Происходили искусственные самораскулачивания, фиктивные разделы хозяйств. В ряде сёл Амурского округа некоторые зажиточные крестьяне распродавали своё имущество и уезжали за пределы Дальнего Востока, мотивируя это тем, что крепким крестьянским хозяйствам жить стало невозможно. Аналогичные случаи были отмечены во многих сёлах Читинского, Сретенского и Владивостокского округов⁶.

Любой факт защиты крестьянином своей собственности, права выжить для своей семьи тут же квалифицировался как «вылазка классового врага». Антикрестьянская сталинская политика толкала разоряемых на путь вооружённой борьбы. Так, в некоторых местах края крестьяне уходили в тайгу, в сопки и создавали там вооружённые отряды, в которых были не только зажиточные крестьяне, но даже середняки и бедняки, бывшие партизаны⁷. В обстановке тотального игнорирования экономических законов и интересов различных слоёв земледельцев крестьянское сопротивление было неизбежным.

В феврале 1930 г. в стране началась кампания по ликвидации кулачества как класса. Она явилась удобным оправданием санкций, направленных против той массы крестьянства, которая наиболее решительно противостояла коллективизации.

Ещё 21 мая 1929 г. СНК СССР принял постановление «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде»⁸. В соответствии с этим постановлением 8 января 1930 г. Далькрайисполком принял документ, согласно которому определялись кулацкие хозяйства в крае⁹. Перечень этих признаков оказался столь широким, что в число кулацких хозяйств вошли бедняцкие, которые нанимали рабочую силу, арендовали пашню, сдавали внаём средства производства. Поэтому вводился ещё один критерий — размер облагаемого дохода. В Амурском округе он был выше, чем где-либо на Дальнем Востоке, но ниже, чем в СССР: более 200 руб. на едока, но не менее 1 250 руб. на хозяйство (по стране соответственно — 300 и 1 500 руб.)¹⁰.

Во второй половине февраля 1930 г. округа получили директиву Далькрайкома ВКП (б) от 18 февраля с разъяснением этапов и методов проведения ликвидации кулачества. Для руководства работой по раскулачиванию и выселению кулаков были созданы краевая и окружная комиссии при исполкомах. В районах образовали тройки и выделили уполномоченных ОКИК. В состав краевой комиссии вошли: председатель — заместитель председателя крайисполкома, члены — зав. орготделом крайисполкома, зам. полномочного представителя ОГПУ по ДВК, зам. заведующего краевого земельного управления, зам. краевого прокурора и заведующий краевым отделом труда¹¹.

На советском Дальнем Востоке, как и по всей стране, кулаков разделили на три категории, к которым применяли различные меры воздействия. В органах власти не сложилось единого мнения в обозначении границ между слоями крестьянства, в определении кулацкого хозяйства, что открыло широкий простор для произвола. Крестьянин в повседневной жизни постоянно сталкивался с неспособностью властных структур отделить кулака от крестьянина-середняка. Местные специальные комиссии по своему разумению определяли кулаков и «подкулачников». Немало было при этом и случаев сведения личных счётов. Даже большие семьи, создававшие своим трудом и разумным ведением хозяйства материальный достаток, объявлялись кулацкими. Лозунг о ликвидации кулачества служил удобным оправданием санкций, направленных против всей массы крестьян, которая наиболее решительно противостояла сталинской коллективизации. Раскулачивание превращалось в средство коллективизации, становилось основным методом ускорения её темпов.

Насильственная коллективизация и раскулачивание стали возможными благодаря не только мощи государства и созданной им командно-административной системе, но и наличию в деревне социальной силы, поддерживавшей власть. Некоторые слои населения — батраки, бедняки, а также низовой партийный и советский актив — стали опорой политического экстремизма. В большинстве своём именно они были непосредственными инициаторами и исполнителями необоснованного раскулачивания, создания коммун, применения принудительных мер по отношению к колебавшимся. Некоторые искренне верили в идею коллективизации и считали, что с созданием колхозов будет решена хлебная проблема и обеспечена зажиточная жизнь и что иного пути просто нет. Именно эта часть крестьянства была оторвана идеологически, психологически, экономически и организационно от зажиточно-середняцких слоёв и тяготела к взаимодействию с государством. Так, крестьяне-бедняки сёл Крёмово, Полтавка, Синельниково, Хвалынка, Русаковка и др. приняли решение конфисковать имущество кулаков и передать его в колхоз, а самих кулаков выслать в отдалённые районы края¹². На поддержку таких крестьян и рассчитывал Сталин, делая ставку на форсирование массовой коллективизации. И этот расчёт во многом оправдался.

Основная работа по раскулачиванию в Дальневосточном крае развернулась с конца февраля 1930 г. Было определено к высылке около 2,5 тыс. семей кулаков: в Амурском округе — 496, в Зейском — 467, в том числе семей 1-й категории — 227, 2-й категории — 190 и 3-й категории — 50; в Читинском округе — 855 семей, во Владивостокском — 583, из них 1-й категории — 223 семьи, 2-й категории — 253, 3-й — 107.

Постановлением комиссии крайисполкома от 2 марта 1930 г. и директивой крайкома партии от 23 апреля были установлены участки, куда предполагалось выселить семьи 2-й и 1-й категорий, а также определялось их трудоустройство. Всего в Зейском округе было подготовлено

участков на 11 000 чел. Туда выселялись кулаки Читинского, Сретенского и Зейского округов. Кулаков Владивостокского, Амурского и Хабаровского округов намечалось отправить в Николаевский-на-Амуре округ на лесоразработки и золотые прииски. Планировалось расселить на прииски «Союззолото» и на лесоразработки «Дальлеса» 9000 чел.: 3000 чел. — по течению р. Амгуни, около селения Керби, и 6000 чел. — в Верхне-Михайловский район. Кроме того, крестьян обязывали заниматься огородничеством, животноводством, а по рекам — и рыболовством. В посёлках должны были проживать не более ста семей (500 чел.), а поселения находиться на расстоянии не ближе 10 км друг от друга¹³.

Все кулацкие семейства 3-й категории, расселяемые за пределами колхозных участков и 22 км погранполосы, устраивались отдельными посёлками на специально отведённых им земельных участках в пределах этих же районов¹⁴.

Из-за невозможности доставить раскулаченных в зимнее время на намеченные участки была дана директива, согласованная с центральными органами, о расселении кулаков всех категорий за пределами колхозов. Внутри округов из районов и селений расселение посёлками кулацких семей было незначительным, в основном их отправляли в худшие избы на окраину села. В Амурском округе 419 раскулаченных семей всех категорий были переселены на окраины сёл. В Свободном районе Зейского округа 22 семьи кулаков отправили в другие сёла этого же района. В Посьетском и Покровском районах Владивостокского округа подобным образом были высланы 49 семей¹⁵.

Проведение таких операций внутри селений и районов Дальнего Востока создавало напряжённую обстановку в деревне. Озлобленные крестьяне угрожали расправой всем, кто проводил выселение, в том числе тем беднякам-колхозникам, которым отдавали их дома. Бедняки-колхозники повсеместно ставили вопрос о безусловной отправке кулаков за пределы селений и даже районов.

Местные власти «усилили» работу по раскулачиванию. По отдельным сёлам раскулачили от 10 до 23% крестьянских хозяйств, в том числе середняцких, бедняцких и даже хозяйств бывших партизан и красноармейцев. Например, в 17 сёлах Шкотовского района было 155 случаев экспроприации середняцких и бедняцких хозяйств за отказ вступить в колхоз. Конфискованное имущество, как правило, продавалось по баснословно низким ценам. В Сучанском районе — бывшей базе партизан — раскулачили 240 хозяйств, в Гродековском — 300, в Спасском — 378 хозяйств, в значительной своей части относившихся к середняцким¹⁶.

Под нажимом властей стали объединяться в колхозы проживавшие в крае корейские крестьяне. Часть из них были раскулачены. Массовые обыски, групповые аресты, реквизиция хозяйств привели к уходу корейцев из края за границу. По отдельным районам бегство корейского населения приняло большой размах. Так, в Сучанском и Шкотовском районах ушло до 60% корейцев, в Гродековском — 50%, в Черниговском — 45% и т.д.¹⁷.

Столь широкое применение репрессий против крестьян, злоупотребление властью накалили социально-политическую атмосферу в деревне. Только с января до середины 1930 г. в стране произошло более 2 тыс. крестьянских восстаний, в подавлении которых участвовали органы ОГПУ, армия и даже авиация. В феврале этого же года в Дальневосточном крае отмечалось 12 антиколхозных выступлений с 1 300 участниками¹⁸. В Читинском округе 3 марта 1930 г. вспыхнуло восстание в с. Малете, в нем участвовали более 400 крестьян, но до 12 марта власти подавили его. 12 апреля 1930 г. начался Зейский мятеж. В с. Удытикане восставшие продержались до 22 сентября¹⁹.

Под давлением крестьянского сопротивления и нарастающей угрозы полного развала сельского хозяйства сталинское руководство приняло меры, направленные против принуждения крестьян вступать в колхозы. Местные власти были вынуждены разрешить массовые выходы насильственно загнанных в колхозы, чтобы не довести дело до открытой крестьянской войны. За один месяц, с апреля по май 1930 г., число коллективных хозяйств на советском Дальнем Востоке уменьшилось с 45 до 26%.

В летний период 1930 г. было принято и рассмотрено свыше 6 тыс. жалоб крестьян на незаконное раскулачивание. Жалобы рассматривались как в аппаратах прокуратуры, так и на местах. За март — июль работники прокуратуры около 60 раз выезжали в деревню, причём только работники краевого аппарата рассмотрели на местах 935 жалоб, одновременно опротестовав более 100 незаконных постановлений местных органов власти. В результате ряд середняцких хозяйств был восстановлен. Прокуратуре пришлось привлечь к ответственности некоторых работников низового советского аппарата, допустивших раскулачивание середняцких хозяйств. В отдельных районах имели место случаи сопротивления действиям прокуратуры²⁰. В деревне наступило кратковременное «затишье», растерявшиеся организаторы коллективизации не решались на её новый штурм. Однако Сталина и его сторонников, разумеется, не могли удовлетворить ни спад, ни застой коллективизации, ни отказ местных руководителей от её дальнейшего подталкивания.

С осени 1930 г. вопреки всем постановлениям началось новое форсирование коллективизации, новое наступление на крестьянство. Насильственные меры по-прежнему были основными, решающими. Общие итоги раскулачивания и депортации 1930 г. оказались весьма внушительными. В Дальневосточном крае ликвидировали 3 937 хозяйств. Высылке по второй и третьей категории подверглись 537 семей²¹. В то же время с Украины, из Белоруссии, центральных районов страны были сосланы в ДВК и на рудники Алдана 4 083 семьи (21 381 чел.). Дальневосточный край, как и Сибирь, к концу 1930 г. превратился в зону небывалой крестьянской ссылки. Здесь сосредоточивалось 156 339 так называемых кулаков — почти треть всех сосланных по стране. Больше было только в Северном крае²².

Коллективизация крестьянских хозяйств продолжалась и в 1931 г. За год количество объединённых хозяйств увеличилось более чем в два

раза. Последнее слово всегда оставалось за факторами принуждения: ужесточилось налоговое бремя на единоличников, не желавших вступить в колхоз, а главное — по-прежнему практиковалось раскулачивание. Так, в Шкотовском районе с сентября 1930 г. по март 1931 г. из 2 266 хозяйств района было выселено 143 хозяйства (6,3%), а в отдельных сёлах раскулаченных было ещё больше: в с. Романовке — 10,7%, в Царёвке — 18,3, в Многоудобном — 9%. Среди сельских жителей шли разговоры о том, что выселяют всех — и зажиточных крестьян, и середняков, и даже бедняков. Целые сёла ждали по ночам выселения, готовили сухари, одежду, резали мелкий скот²³.

Вторая кампания по выселению крестьян уже прямо называлась операцией и проводилась по строго разработанному плану. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о том, что власти основательно к ней готовились. Подтверждением этому служит «План операции выселения кулаков из села Богуславка Гродековского района 28 июля 1931 г.»²⁴. В 3 часа ночи планировалось созвать партийно-комсомольское собрание, за организацию которого отвечал зам. секретаря организации ВКП (б), в 5 часов утра — совещание бедных колхозников из числа красноармейцев. Выход на операцию намечался на 6 утра. В целях быстрейшего проведения акции создавались 3 тройки, которые должны были выселять крестьян из домов. Понадобилось 3 подводы к 6 час. 30 мин. ко дворам выселяемых кулаков. Для их конвоирования на сборном пункте выделялась вооружённая охрана из 8 чел.

29 июля 1931 г. ДКИК принял решение завершить ликвидацию кулачества в крае. В сентябре власти приступили к заключительному этапу выселения, намереваясь устранить всех кулаков, сбежавших из деревни или проникших в колхозы²⁵. В 1930—1931 гг. в Дальневосточном крае были высланы 2 922 кулацкие семьи 2-й категории и семьи кулаков, отданных под суд²⁶. Общее число раскулаченных в крае составило более 5 тыс. семей, выслали их в основном на север края: в лесозаготовительные лагеря, на различные стройки, золотые прииски, шахты. Некоторые из них попали в Сибирь, на Урал, в Казахстан²⁷. Необходимо отметить, что массовое насильственное выселение крестьян в отдалённые районы прекратилось в целом по стране к концу первой пятилетки, а на Дальнем Востоке продолжалось более длительное время.

Проводимая сталинским руководством политика насильственной коллективизации и раскулачивания сказалась на развитии сельского хозяйства. Ощущался большой недостаток зерна, продуктов животноводства. Уссурийская область до начала второй пятилетки имела хлебные излишки, а в 1933 г. с ростом промышленности и главным образом с ростом армии стала испытывать хлебный дефицит. Этот дефицит покрывался в основном за счёт ввоза продуктов на Дальний Восток из других районов страны.

Однако в некоторых районах Дальнего Востока отмечались продовольственные трудности, имелись даже случаи голода крестьян. Так, в Амурской области, в Свободненском, Благовещенском и Завитинском районах

в конце 1932 — начале 1933 г. крестьяне голодали и резко выступали против советской власти: «Дожили, приходится помирать с голоду, дети кричат: „Хлеба!“, а где я его возьму? И, наверное, придётся детей задавить и самой решить свою жизнь, ведь голодной смертью помирать тяжело. Разве я думала, летом работая до упаду, — ободранная, голая, босая, чтобы теперь сидеть без хлеба и с голоду пухнуть, ведь у меня их семь человек. И все сидят и кричат: „Дай хлеба“, а как матери перенести? Пойду лягу под трактор, не могу я перенести эти страдания»²⁸.

В с. Албазине Завитинского района ДВК со скотомогильника растащили все трупы животных. Трое колхозников после недельной голодовки употребили в пищу взятые со скотомогильника трупы скота. В этом же селе кладовщик колхоза, скотник и животновод разделили между собой павшую корову. В с. Житомирке конюх колхоза, не имея хлеба, подобрал павшую овцу и съел её. В селе голодали семь семей.

В Свободненском районе, в колхозе «Красный партизан», большая часть валового сбора всех сельскохозяйственных культур была сдана государству. Колхозники остались без продовольствия и были вынуждены покинуть хозяйство²⁹. Спасаясь от голода, дальневосточные крестьяне устремились в города, промышленные центры, на транспорт. По всей стране в начале 1932 г. вспыхнули массовые выступления, охватившие, по неполным данным, 55,4 тыс. крестьян, среди которых были десятки тысяч колхозников. Число терактов достигло 3,3 тыс.; было распространено около 1 тыс. антисоветских листовок³⁰. На Дальнем Востоке в январе 1932 г. в 8 районах было ликвидировано 12 «контрреволюционных» и «антисоветских» группировок с 55 участниками; из колхозов 7 районов было «изъято» 40 «контрреволюционных одиночек» и ликвидировано 7 группировок. Было заведено судебное делопроизводство на 37 группировок, в том числе 15 повстанческих³¹.

В поисках выхода из создавшегося положения Совет Народных Комиссаров Союза ССР в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) от 17 марта 1932 г. принял решение «Об организации особого колхозного корпуса ОКДВА». В постановлении партии указывалось, что цель создания ОКК состояла в том, «чтобы укрепить безопасность советских дальневосточных границ, освоить богатейшие целинные и залежные земли, обеспечить население и армию Дальнего Востока продовольствием, значительно сократить ввоз хлеба и мяса из Сибири на Дальний Восток, развить экономику Дальнего Востока»³².

За период своего существования корпус оказал значительную помощь сельскому хозяйству края в подготовке кадров для колхозов и совхозов. В апреле 1936 г. ОКК был переформирован и переименован в стрелковый корпус. Создание ОКК ОКДВА было вынужденной мерой и свидетельствовало о неэффективности проводимой властными структурами политики в аграрном секторе экономики края.

Столь огромное давление властей на крестьян привело к тому, что некоторые смирились с коллективизацией, а другие продолжали ожесточённо сопротивляться. В 1932—1933 гг. трагические события разыгрались

на севере Приморья, на территории Верхнего Бикина, в пос. Улунге, где проживало старообрядческое население³³. В 1932 г. в Улунге появился вооружённый отряд представителей власти и силой стал объединять все хозяйства в колхоз. Крестьяне в страхе разбежались и укрылись в тайге. Было спровоцировано вооружённое сопротивление сельского населения. Беженцев превратили в «мятежных бандитов» и «врагов народа». Борьба с восставшими затянулась на период более двух лет. Стихийное выступление населения охватило 75 населённых пунктов на протяжении 450 км от бухты Самарги до бухты Ольги. В ходе восстания выдвигались лозунги «Долой советскую власть!», «Долой коммунистов, долой твёрдые задания и раскулачивание крестьян». Во главе народного движения находились Кирилл Давыдов, Моисей Куликов, Терентий Шарыпов — главы общин староверов. В результате вооружённого насилия со стороны органов ОГПУ выступление было жестоко подавлено. Сдавшихся или взятых в плен крестьян судили военным трибуналом, приговор — высшая мера наказания. В 1933 г. выслали все семьи повстанцев, некоторые из них попали в спецпоселок Свободный Амурской области. За зиму опустевшие избы Улунги заполнились ссыльными с Амура.

После разгрома улунгинских крестьян прокатилась новая волна репрессий по всему северному побережью Приморья. Не один пароход с набитыми до отказа трюмами арестованных в те злоешие годы отходил с побережья и разгружался во Владивостоке. С 1 января по 5 июня 1933 г. Приморским отделом ОГПУ за срыв хлебозаготовок, саботаж весеннего сева были арестованы 2 515 чел., в том числе 1 683 кулака, 250 середняков, свыше 50 бедняков. Общее число репрессированных крестьян Приморья органами ОГПУ, судом, прокуратурой и милицией за первую половину 1933 г. составило около 4 000 чел.³⁴

Репрессии в дальневосточной деревне продолжались и в период завершения коллективизации и обрушились уже не столько на крестьян-единоличников, сколько на колхозников. Особую роль в этом сыграли политотделы машинно-тракторных станций (МТС) и совхозов, созданные по решению январского (1933 г.) пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) как чрезвычайные органы партии и наделённые полномочиями политических, хозяйственных и карательных органов. Менее двух лет продолжалась их деятельность, однако она оставила заметный трагический след в истории деревни. В 1934 г. в крае действовали 67 политотделов МТС, и свои чрезвычайные полномочия они употребили главным образом на то, чтобы провести глобальную чистку кадров колхозов и МТС и путём применения репрессивных мер добиться безусловного выполнения непосильных для крестьян хлебозаготовительных планов. Наличие в штате политотделов МТС заместителей начальников по ОГПУ позволяло им эффективно выполнять функции карательных органов. В конце 1934 г. политотделы были преобразованы в обычные партийные органы.

Дальневосточное крестьянство существенно пострадало в период проведения паспортизации на Дальнем Востоке в конце 1933—1934 гг.³⁵

В связи с установлением режимных пограничных зон здесь проводили «чистку» сельского населения. В приграничных районах края в основном проживали значительная часть казачества и старожильческое зажиточное население, которые в большинстве своём отрицательно относились к советской власти и коллективизации. Выявленные «неблагонадёжные» крестьяне подвергались административному (внесудебному) выселению из края. К осени 1934 г. 40,3 тыс. чел. «беспаспортных» (в основном сельских жителей) вынуждены были покинуть места проживания. Так, из Гродековского района было выселено около 16% населения, из приграничного села Сальского Иманского района — третья часть жителей и т.д.³⁶

В результате проведения паспортизации во многих районах Дальнего Востока произошло сокращение численности сельского населения. Проживавшее в режимных пограничных зонах крестьянство получило паспорта, тогда как в целом по стране беспаспортные колхозники составляли большинство.

Из-за раскулачивания и репрессий, бегства крестьян за границу, самоликвидации крестьянских хозяйств и ухода в город на промышленные предприятия, транспорт, в результате паспортизации и выселения «враждебных элементов» заметно уменьшилось сельское население Дальнего Востока, особенно в старожильческих районах и пограничных зонах. Так, население Молотовского района за период с 1933 по 1937 г. сократилось в три раза, Гродековского — более чем в 2,5 раза и Хорольского — на 20%³⁷.

Сокращение населения особенно характерно было для Тамбовского района как старожильческого, с высоким удельным весом зажиточных хозяйств. За три года (1931—1933) население уменьшилось на 28 959 чел., т.е. более чем на половину (57%). Кроме того, сократилось население старых районов земледелия — Ивановского, Михайловского, Благовещенского, а в Куйбышевском и Кагановичском районах за 4 года (1930—1934) оно уменьшилось в 2,5 раза³⁸.

К концу второй пятилетки коллективизация на Дальнем Востоке завершилась, в колхозы было объединено 94,7% крестьянских хозяйств и 99,5% посевных площадей, всего насчитывалось 1 198 колхозов.

Конфликт государства и крестьянства порождался классово ориентированной аграрной политикой советской власти. Государство в результате насильственной коллективизации могло брать всё, что считало нужным, не давая крестьянам эквивалентного вознаграждения за их труд.

Насильственная коллективизация и раскулачивание, репрессии в дальневосточной деревне привели к пагубным социально-экономическим и демографическим последствиям. Произошло падение сельскохозяйственного производства, темпы развития сельского хозяйства на протяжении нескольких десятилетий были низкими и не отвечали потребностям региона. Индивидуальные хозяйства старожил, новосёлов и бывших казаков, хозяйства наиболее сильных и предприимчивых крестьян оказались разорёнными. Крестьянство как класс самостоятельных производителей было ликвидировано, и весь уклад деревенской жизни разрушен.

- ¹ ГАХК. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 173. Л. 13.
- ² Колхозы Дальнего Востока. Хабаровск, 1930. С. 18.
- ³ Материалы к отчёту краевого комитета ВКП (б). Хабаровск, 1930. С. 131.
- ⁴ Там же. 1934. С. 59; ГАХК. Ф.П-2. Оп. 2—4. Д. 69. Л. 9.
- ⁵ ГАХК. Ф. 724. Оп. 1. Д. 17. Л. 59—60; РГИА ДВ. Ф. 2441. Оп. 5. Д. 19. Л. 31; Билим Н.А. Из истории участия демобилизованных в колхозном строительстве на Дальнем Востоке в годы предвоенных пятилеток // Учён. зап. Хабаровского гос. пед. института. Хабаровск, 1970. Т. 28. Ч. 1 (сер: история). С. 47.
- ⁶ ГАХК. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 4.
- ⁷ Там же. Оп. 2—4. Д. 169. Л. 82.
- ⁸ Солопов А. Кого считать кулаком в 1924—1925 годах? // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С. 99—100.
- ⁹ Ермизина Е.М. Раскулачивание в амурской деревне (1930—1934 гг.). Благовещенск, 1999. С. 10.
- ¹⁰ Там же. С. 11.
- ¹¹ ГАХК. Ф. 1228. Оп. 1. Д. 162. Л. 8.
- ¹² Красное знамя. Владивосток, 1930. 16 марта.
- ¹³ ГАХК. Ф. 1228. Оп. 1. Д. 162. Л. 8—9.
- ¹⁴ Там же. Д. 164. Л. 66.
- ¹⁵ Там же. Д. 162. Л. 11.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 2. Д. 290. Л. 43.
- ¹⁷ ГАХК. Ф.П-2. Оп. 2—4. Д. 169. Л. 78—79; Оп. 1. Д. 226. Л. 24.
- ¹⁸ Шишко Н.П. Борьба Дальневосточной краевой партийной организации за победу линии партии на сплошную коллективизацию и укрепление колхозного строя (1929—1932 гг.) // Учён. зап. ДВГУ. Т. 7. Сер. обществ. наук. Владивосток, 1965. С. 89.
- ¹⁹ Тихоокеан. звезда. Хабаровск, 1996. 29 июня.
- ²⁰ ГАХК. Ф. 137. Оп. 3. Д. 48. Л. 188 об.
- ²¹ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928—1941. Новосибирск, 1997. С. 43.
- ²² Там же.
- ²³ ГАХК. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 299. Л. 11.
- ²⁴ ГАПК. Ф. 179. Оп. 4. Д. 38. Л. 82.
- ²⁵ Ермизина Е.М. Раскулачивание в амурской деревне. С. 19.
- ²⁶ Земсков В.И. Спецпоселенцы (по данным НКВД, МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 4.
- ²⁷ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 290. Л. 77—78; Сутурин А. Дело краевого масштаба. Хабаровск, 1991. С. 9.
- ²⁸ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 т. 1927—1939. Т. 3. Конец 1930—1933. М.: РОССПЭН, 2001. С. 662, 664.
- ²⁹ Там же. С. 663.
- ³⁰ Там же. С. 17.
- ³¹ Там же.
- ³² Янгузов З.Ш. ОКДВА на страже мира и безопасности СССР (1929—1938 гг.). Благовещенск, 1970. С. 111.
- ³³ Уссурийский казачий вестник. 1992. № 5. Август (Боевая вахта. Владивосток. 1992. № 200).
- ³⁴ ГАПК. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 178. Л. 16 (данные неполные).
- ³⁵ Чернолуцкая Е.Н. Паспортизация советского населения как завершающая веха в утверждении тоталитарного режима в СССР (на материалах Дальнего Востока) // Тоталитаризм как исторический феномен. Владивосток, 1996. С. 100.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ ГАХК. Ф. 359. Оп. 9. Д. 34. Л. 244; Д. 46. Л. 161.
- ³⁸ Там же. Л. 245.